

Алексеев Виктор Владимирович

НОВО-ОГАРЁВСКИЙ ПРОЕКТ – БЫЛ ЛИ ШАНС СОХРАНИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

В статье описываются процессы, приведшие к распаду Советского Союза, показана многомерность и противоречивость повлиявших на это факторов, раскрывается внутривнутриполитическая борьба между противостоящими группировками в высших эшелонах руководства СССР. Основное внимание автор уделяет рассмотрению различных подходов к разрешению кризиса государственного устройства и попыток сохранить единство СССР, получивших название "ново-огарёвский процесс". Указываются причины провала всех предпринятых в данном направлении усилий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. **Материалы военно-ученого архива Главного штаба** / под ред. А. Бычкова. СПб.: Тип. В. И. Головина, 1871. Т. I. 845 с.
9. **О персидском походе, при государе Петре Великом бывшем** // Русский архив. М., 1899. № 12. С. 481-491.
10. **Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН)**. Ф. I. Оп. I.
11. **Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.**: документы и материалы / сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
12. **Соймонов Ф. И.** Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. 380 с.

**FROM HISTORY OF PETER THE GREAT'S CASPIAN CAMPAIGN:
BATTLE OF UTEMYSH IN 1722 AND ITS RESULTS**

Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich, Ph. D. in History
Dagestan State Institute of National Economy
vikingpasha@mail.ru

Magaramov Sharafetdin Arifovich, Ph. D. in History
Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
smagaramov@list.ru

The authors consider one of the understudied and tragic episodes of the Caspian campaign of Peter the Great, namely, the battle of Utemysh by analyzing literary sources and archival materials; regard the little known facts of the battle of Utemysh objectively, judging them impartially, also research the cause of Utemysh sultan Makhmud's march against Peter the Great's army, draw attention to the conduct of Utemysh war prisoners during the interrogation.

Key words and phrases: Russia; Peter the Great; Jacob Bruce; Caucasus; Kumykya; Utemysh; sultan; shamkhal; military tactics; retrenchment.

УДК 94(47).084.9"1985/1991"; 34

Исторические науки и археология

В статье описываются процессы, приведшие к распаду Советского Союза, показана многомерность и противоречивость повлиявших на это факторов, раскрывается внутривнутриполитическая борьба между противостоящими группировками в высших эшелонах руководства СССР. Основное внимание автор уделяет рассмотрению различных подходов к разрешению кризиса государственного устройства и попыток сохранить единство СССР, получивших название «ново-огарёвский процесс». Указываются причины провала всех предпринятых в данном направлении усилий.

Ключевые слова и фразы: перестройка; распад СССР; внутривнутриполитическая борьба; ново-огарёвский процесс; государственное устройство Советского Союза.

Алексеев Виктор Владимирович, к.и.н., доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
morehod800@mail.ru

НОВО-ОГАРЁВСКИЙ ПРОЕКТ – БЫЛ ЛИ ШАНС СОХРАНИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?®

Одним из самых значимых исторических событий конца XX века стал распад Советского Союза и возникновение на его обломках новых суверенных государств. Этим самым была существенно изменена геополитическая конфигурация на Евразийском пространстве. Историки и политологи до сих пор расходятся во мнениях о том, был ли развал СССР заранее предопределён как нечто неизбежное или это стало результатом сочетания случайных причин. Последнюю точку зрения отстаивает известный историк Рой Медведев. «Разрушению Советского Союза, – пишет он, – не предшествовали какие-либо мощные революционные процессы, сильные идеологические и национально-освободительные движения. Страна распалась от множества, казалось бы, слабых толчков, которые, даже объединившись, не казались многим из нас неодолимыми» [13, с. 585]. В целом необходимо признать, что существовали объективные, достаточно существенные факторы, способные обеспечить единство СССР. Во-первых, тогда налицо был высокий уровень экономической интеграции между различными советскими республиками и регионами. Во-вторых, сложившееся на протяжении нескольких столетий политическое единство предопределяло взаимные интересы по поддержанию внутренней и международной стабильности, а также совместной обороны. В-третьих, сильный центр мог держать под контролем хитросплетение народов в пёстрой мозаике этнических групп и в основном предотвращать крупные межнациональные конфликты. Тем не менее подспудно в экономической, политической и национальной сферах постепенно

нарастали кризисные явления, которые подтачивали изнутри архитектуру Советского государства. По мере ослабления власти центрального правительства Советского Союза эти негативные тенденции приобрели более явные очертания и вышли на поверхность. В наибольшей степени это проявилось на завершающем этапе того исторического периода, который ныне известен под названием «перестройка».

Кризис плановой экономики, ставший ощутимым в 1980-х гг., трудности в снабжении продовольствием привели к ощутимому падению уровня жизни большинства населения СССР. Одновременно эрозии и деградации подверглась система ранее жёстко централизованной власти. Общественные настроения характеризовались ощущением смуты и крушения привычных устоев повседневной жизни. Всё это в совокупности приводило к дискредитации политики перестройки и половинчатых, непоследовательных реформ. Данные явления актуализировали исторически сформировавшиеся психологические травмы национального сознания отдельных народов – субъектов советской федерации, которые возникли в результате насильственного включения той или иной территории или этноса в состав Российского государства либо под влиянием ошибок, допущенных в ходе национально-государственного строительства и административно-территориального деления. Это обусловило обострение этнических противоречий, рост национализма, напряжённость во взаимоотношениях союзных и республиканских властей. Тем самым создавалась благоприятная почва к распространению сепаратистских лозунгов и формированию взывших их на вооружение ультра-крайних политических группировок. Националистическая пропаганда в тот момент находила отклик в достаточно широких слоях населения. Бывший вице-президент СССР Г. И. Янаев вспоминал впоследствии, что, начав с вопроса придания статуса государственного тому или иному национальному языку, признания приоритета национальной культуры, муссирования проблемы реабилитации репрессированных народов и призывов к покаянию, требований материальных компенсаций, национально-территориальные образования перешли в конечном итоге к требованиям об отделении [16, с. 47]. «В каждой союзной или автономной республике, в любой русской или нерусской области, – констатирует итальянский историк Дж. Боффа, – появилась тенденция подсчитывать, сколько она дала общей государственной казне, т.е. отдала другим, и сколько получила. Расчёты подтасовывались, и потому каждый чувствовал себя кредитором, каждый думал, что ему недодали» [2, с. 181]. Многим рядовым гражданам начинало казаться, что, получив возможность самостоятельно распоряжаться своими богатствами, тот или иной национально-территориальный субъект начнёт жить гораздо лучше, нежели теперь. Такого рода идеи подхватили отдельные политики, которые выдвинулись на волне перестройки. Они стали выступать с обоснованием необходимости отделения от Союза той или иной республики. И это притом, что ранее даже в диссидентских кругах никогда не выдвигались требования разделения Советского Союза по «национальным квартирам». В свою очередь, ответная реакция порождала волну русского национализма, поскольку обвиняемые в эксплуатации других народов русские также чувствовали себя эксплуатируемым этносом. Радикализации политических настроений в ещё большей степени способствовали открытые межэтнические столкновения, переросшие в некоторых периферийных регионах в кровавую резню. Застарелый спор по поводу административно-территориальной принадлежности Нагорно-Карабахской автономной области привёл в последней декаде февраля 1988 г. к армянским погромам в здешних населённых пунктах и азербайджанском городе Сумгаит. В ноябре 1988 г. погромы армяны охватили Баку, Нахичевань, Кировабад, Шамхор, Физули и некоторые другие города Азербайджана. С новой силой они вспыхнули в январе 1990 г. в Баку. В июне-июле 1989 г. случилась обоюдная поножовщина между узбеками и турками-месхетинцами в Ферганской долине (Узбекская ССР), между казахами и кавказцами в Новом Узене (Казахстан), между киргизами и таджиками в г. Исфра (Таджикистан). В те же годы неоднократно происходили столкновения между грузинами и абхазами, а также осетинами; между молдаванами и русскоязычными жителями входившего в Молдавию Приднестровья. Всего за период 1988-1990 гг. на территории СССР случилось 4 648 погромов, более 600 тыс. человек стали беженцами [1, с. 614]. В результате многие народы, населяющие окраинные регионы СССР, начали требовать скорейшего обособления от Центра. Центробежные тенденции стали реальностью, ведя к разрыву исторической ткани Союзного государства.

Анализируя ход событий в ретроспективе, в историографии выделяют две основные модели, в рамках которых сепаратисты пытались реализовать стремление к обретению независимости. Условно их можно назвать «прибалтийским» и «кавказским» вариантами. Для первой модели были характерны следующие черты: совершенно нескрываемое желание полностью отделиться от Советского Союза с конечной целью обрести суверенитет и дальнейшей политической переориентацией на Запад; относительная ненасильственность акций, предпринимаемых для достижения указанной цели. В рамках второго варианта налицо была многосторонность конфликтных противостояний: союз – центр, республика – республика, республика – автономия, автономия – этническое меньшинство, представляющее другую союзную республику. Причём это сопровождалось массовыми ненасильственными и насильственными действиями, включая вооружённые столкновения, порой перерастающие в настоящие бои [15, с. 254-255].

Общесоюзное руководство во главе с Генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачёвым оказалось абсолютно не готовым к подобному развитию событий. Какая-либо продуманная и целостная национальная политика, адекватная сложившейся ситуации, отсутствовала. Поначалу Горбачёв довольно упрощённо воспринимал нарастание национальных проблем, считая, что они не представляют серьёзной угрозы, а лишь отвлекают от главных задач проводимой им политики перестройки. Ему казалось, что все конфликты в союзных республиках имеют преимущественно социальный характер с некоей национальной «окраской». Случавшиеся эксцессы списывались на рост национального самосознания. Кроме того, сказывались

косность, консерватизм и догматизм мышления высших эшелонов партийного и государственного аппарата, неумение быстро и гибко реагировать на складывающуюся обстановку. На заседаниях Политбюро А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, В. А. Медведев, другие деятели из ближайшего окружения генсека уверяли, что никакой угрозы для Советского Союза сепаратистские поползновения не представляют [11, с. 134]. Руководство страны катастрофически опаздывало с принятием необходимых решений в области национальной политики, работало не на упреждение, а лишь достаточно пассивно следовало в русле уже происходящего. Горбачев не решался санкционировать проведение территориального передела даже там, где он назрел. Генсек был категорически против изменения границ и статуса республик или областей, считая, что «нынешнее национально-территориальное устройство не является препятствием для того, чтобы люди всех национальностей могли нормально жить в любом уголке страны» [15, с. 283]. Нежелание центральных властей решительно преобразовывать сферу национальных отношений, неспособность выступить третейским судьёй в межнациональных конфликтах, неуклюжее применение в ряде случаев силовых структур вели к падению авторитета высшего руководства СССР и эскалации центробежных тенденций.

В течение 1988-1989 гг. происходит консолидация тех сил, которые выступили выразителями наиболее радикальных сепаратистских настроений и которые ратовали за введение верховенства этнически-республиканской власти над вышестоящими структурами СССР. В демонстративном противостоянии Центру соединились разнородная масса рядовых граждан, охваченных деструктивными эмоциями, национальная интеллигенция, выставлявшая свою собственную этническую культуру в качестве главнейшей ценности, маргинальные группы оголтелых националистов и значительная часть прагматичной местной национальной номенклатуры, которая решила использовать складывающиеся обстоятельства в своих интересах. Последняя почувствовала, что реформы Горбачёва по демократизации политической и экономической жизни угрожают господству бюрократии, и стала поддерживать националистические выступления, чтобы с их помощью защитить свои корыстные интересы и оказывать давление на союзный центр. Особенно пагубным было возникновение внутри республиканских компартий групп, ориентированных на отделение от Союза или, по крайней мере, обретение большей самостоятельности. Дело в том, что КПСС была краеугольным камнем в здании всей советской государственности. Единство республик в составе СССР во многом определялось именно централизованным, а не федеративным устройством правящей Коммунистической партии, поскольку республиканские партийные организации были составными частями унитарной КПСС. Все основные кадровые назначения в партийном или государственно-хозяйственном аппарате происходили из Москвы. В новых условиях, как указывает высокопоставленный в то время аппаратный функционер и бывший Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, стремительное ослабление партийного руководства, демократизация внутрипартийной жизни, введение альтернативных выборов в Советы народных депутатов привели на местах к отстранению от реальных рычагов власти значительной части представителей так называемых «некоренных национальностей». Зато этнономенклатура поняла, что, опираясь на массовое националистическое движение, она сможет защитить себя от угрозы смещения или произвольных перестановок по воле центра. Средством такой защиты стал лозунг национального суверенитета [11, с. 111]. Самым значимым событием, знаменовавшим собою организационное оформление противостоящих Центру оппозиционеров, стало возникновение Народных фронтов и подобных им общественно-политических образований. Прибалтийские республики (Латвия, Литва, Эстония) ввели в политический обиход термин «республиканский суверенитет». В программном документе «Саюдиса» (Литовского народного фронта в поддержку перестройки) было записано, что «суверенитет Литовской СССР должен охватывать управление всеми отраслями хозяйства, включая экономику, политику, формирование бюджета, финансовую, кредитную, торговую, налоговую и таможенную политику» [1, с. 616]. Правда, под этим поначалу ещё «понимался не собственно суверенитет в международно-правовом значении, а верховенство республиканских законов над союзными» [15, с. 256]. Явочным порядком осенью-зимой 1988 г. в Прибалтике были приняты законодательные акты, согласно которым местным национальным языкам придали статус государственных. Более того, 16 ноября 1988 г. Верховный Совет Эстонии принял «Декларацию о суверенитете», на основании которой в республиканскую Конституцию внесли изменения, позволявшие в «определённых случаях» приостанавливать или самопроизвольно устанавливать пределы применения союзных законов. Точно так же в апреле и июле 1989 г. поступили Латвия и Литва. Лишь прибегнув к экономическому нажиму, центральному правительству СССР удалось на непродолжительное время дезавуировать данные декларации. Но уже в марте и мае 1990 г. все три прибалтийские республики объявили о своей государственной независимости и начале выхода из состава СССР, объявляя незаконным своё включение в Советский Союз по соглашениям 1940 г. Вскоре их примеру последовала Грузия.

Это были тревожные симптомы того, что конструкция Советского Союза подвергается серьёзным испытаниям и деформациям. Необходимо было предпринимать срочные меры по обновлению конституционно-правового и государственного механизма СССР, чтобы переломить негативные тенденции. Благо в это время на союзной периферии оставалось ещё немало сторонников сохранения союзного единства. Однако и в этом случае инициатива исходила не от высшего руководства СССР во главе с Горбачёвым, а снизу. На прошедшей 28 июня – 1 июля 1988 г. XIX Всесоюзной конференции КПСС делегация Коммунистической партии Эстонии предложила перейти к экономическому региональному самоуправлению, а также высказала идею пересмотра Конституции СССР и «выработки союзного договора как основополагающего документа союза равноправных советских республик» [Там же, с. 270]. Принятая партконференцией резолюция «О межнациональных отношениях» впервые за долгие десятилетия Советской власти признавала наличие проблем

в национальных отношениях, то, что «недостаточно учитывались потребности социально-экономического, культурного развития как отдельных республик и автономных образований, так и национальных групп». Для исправления отмеченных недостатков констатировалась необходимость «осуществить назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению советской федерации на основе демократических принципов», которые должны привести к расширению «прав союзных республик и автономных образований путём разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций» [12, с. 134, 135]. Опираясь на эти положения, лидеры национальных движений в прибалтийских республиках на I съезде народных депутатов СССР, созванном в мае-июле 1989 г., предложили осуществить преобразование «Союза и надреспубликанского, республикоуправляющего сильного центра в содружество суверенных республик с ими формируемым, их интересы представляющим межреспубликанским аппаратом» [7]. Пытаясь взять ситуацию под контроль, сентябрьский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС принял платформу «Национальная политика партии в современных условиях». В этом документе всячески подчёркивался приоритет действующей Конституции СССР над Союзным договором, когда-то оформившим рождение СССР. А потому предполагалось, сохраняя без особых изменений содержательный текст самой Конституции, дать ей текстуально переработанную в духе времени преамбулу. Новая декларация, будучи органичной частью Конституции СССР, мыслилась тем основополагающим политическим документом, который позволит закрепить меры по обновлению советского федерализма и решить возникшие проблемы. Горбачёв в докладе по этому поводу заявил: «Чёткое разграничение полномочий союзных и республиканских органов власти позволит последним решать по своему усмотрению все вопросы своей жизни, за исключением тех, которые добровольно передаются ими Союзу» [15, с. 283]. Однако детальной проработки данный подход на тот момент ещё не получил. Лишь в апреле-мае 1990 г. Верховный Совет СССР принял ряд законов, которые должны были урегулировать межнациональные и федеративные отношения. Основными из них являлись законы «О языках народов СССР», «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Последний закон предусматривал обязательное проведение референдума по вопросу возможного выхода той или иной республики из состава Советского Союза. Процедура требовала наличия квалифицированного большинства высказавшихся «за» в 2/3 голосов полноправных граждан республики и пятилетнего срока для оформления всех формальностей «цивилизованного развода». В конце обусловленного срока предусматривался повторный референдум, который должен был подтвердить результаты первого.

Однако развитие событий в действительности пошло по совершенно иному сценарию. Новым фактором, который коренным образом изменил политическую обстановку и расстановку сил, стала суверенизация РСФСР. Движение в этом направлении началось зимой 1989-1990 гг. и получило юридическое оформление 12 июня 1990 г., когда I Съезд народных депутатов РСФСР принял «Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации». Декларация заявила верховенство Конституции и законов РСФСР на всей территории России, указав, что «действие законов СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами Российской Федерации, приостанавливается республикой на своей территории». С учётом стержнеобразующей роли Российской Федерации в общем государственном устройстве это открывало легальную возможность борьбы с союзным Центром, тем более что российские власти стремились переподчинить себе систему управления на большей части территории страны. Специфика тренда к российскому суверенитету заключалась в том, что тут отсутствовал этнонациональный момент, как в остальных регионах, поскольку в РСФСР не было сформировано собственно российской нации как некоей гражданской целостности [Там же, с. 287]. Причины провозглашения российского суверенитета исследователи видят, прежде всего, в утрате реального управления со стороны союзных структур и хроническом нежелании союзного руководства заниматься российскими проблемами. Дополнительным стимулом, указывают А. С. Барсенков и А. И. Вдовин, стало то, что «самосознание россиян было уязвлено и тем, что недовольство со стороны национальных регионов часто направлялось против России и русских, а не того самого «интернационального» «Центра», от которого Россия страдала, по крайней мере, не меньше других республик» [1, с. 613]. Но дополнительным, весьма значимым фактором, который постепенно приобрёл немалое значение, в тех условиях выступила личная неприязнь М. С. Горбачёва и оказавшегося во главе РСФСР Б. Н. Ельцина, которая нередко имела характер плохо скрываемого антагонизма. Ельцин стал лидером тех, кто именовал себя демократами и ратовал за ликвидацию «тоталитарной диктатуры КПСС». На самом же деле многие из новоявленных демократов раньше были активными членами компартии, которые решили воспользоваться благоприятным моментом, чтобы оттеснить на задний план старую номенклатуру. Они верно рассчитали, что, используя ненависть и протестные настроения простых людей в отношении партукратии, смогут захватить власть как в России, так и в других республиках. Выставив в качестве общего врага союзные партийно-государственные органы, управленческие и народнохозяйственные ведомства, российские «демократы» и «неформалы» солидаризовались с прибалтийскими и прочими национал-сепаратистами. Для Ельцина сепаратисты стали ценными союзниками в борьбе против Горбачёва. Причём если Горбачёв искал компромиссных соглашений с умеренными прибалтийскими националистами типа А. М. Бразаускаса и К. Д. Прунскене, то Ельцин шёл на контакт с явными экстремистами вроде В. Ландсбергиса. В условиях углубляющегося социально-экономического кризиса это подхлестывало центробежные процессы. Главным следствием принятия Декларации о российском суверенитете стала ускоренная фрагментация союзного государства в политическом, экономическом и военном отношении. Нельзя не согласиться с мнением Дж. Боффы: «Без России движение за развал Союза было бы делом меньшинства, с Россией

оно становилось доминирующим» [2, с. 231]. Декларация о суверенитете России запустила маховик дезинтеграции. Следом за ней свои декларации о суверенитете провозгласили Узбекистан, Молдавия, Украина, Белоруссия, Туркмения, Армения, Таджикистан, потом настал черёд автономных республик. Начался пресловутый «парад суверенитетов», война законов и бюджетов, противостояние президентов, правительств, министерств Союза и республик. ««Өсваивая» суверенитет, республиканские власти всё чаще принимали к исполнению только те распоряжения центральных министерств, какие им были выгодны», – признавал позднее Горбачёв [4, с. 584].

Всё же нельзя отрицать того обстоятельства, что и М. С. Горбачёв, и Политбюро ЦК КПСС, и союзный парламент, и иные политические деятели не пытались сохранить целостность СССР. Даже во фрондирующих республиках Прибалтики имелись лидеры, готовые вести конструктивный диалог с Центром. В конечном итоге был выбран путь, предлагаемый прибалтами, т.е. обновление СССР посредством перезаключения Союзного договора с предоставлением республикам самых широких полномочий. Другое дело, что, согласившись с этим, Горбачёв на заседании Политбюро 2 марта 1990 г. сделал упор на том, чтобы «нигде в процессе разработок и переговоров не терять стержня – федерация!» [3, с. 575]. Тем самым федеративное устройство Союза должно было бы оставаться в качестве базового. Была сформирована рабочая группа по предварительной подготовке проектов новых нормативных документов, руководить которой назначили Р. Н. Нишанова. После этого начали проводить консультации с делегациями различных республик. Однако деятельность рабочей группы с самого начала фактически игнорировали представители Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии, Армении. Председатель Верховного Совета Молдавии М. Снегур в открытую заявлял, «что ни СССР, ни любой иной Союз в принципе не нужны» [8]. Единственным из глав республик, кто тогда изъявил готовность немедленно и без оговорок подписать новый Союзный договор, был первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана С. Ниязов. Тем не менее, несмотря на трудности в согласовании позиций, весной 1990 г. был подготовлен Согласительный протокол с набросками будущего государственного переустройства. IV съезд народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) поимённым голосованием принял решение о сохранении Союза ССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик и сохранении названия «Союз Советских Социалистических Республик», хотя Горбачёв уже тогда предложил переименовать его в «Союз Советских Суверенных Республик».

К этому времени республики почувствовали слабость Горбачёва как политика и уже не желали поступаться своими узконаправленными интересами, а уж тем более давать широкие права вышестоящим союзным инстанциям. Противостояние приобретало открыто конфронтационные черты. Любая, даже разумная, инициатива Центра незамедлительно нейтрализовалась более широкомасштабными декларациями. Вместо постепенной трансформации авторитарно-бюрократического государства в новую, по словам Горбачёва, «настоящую» федерацию «сверху» радикалы предлагали фактически его разрушить и строить новую федерацию «снизу». Формально дискуссии второй половины 1990 – первой половины 1991 года развернулись вокруг вопросов, связанных с различным толкованием понятия «суверенитет» и будущего национально-государственного устройства перелицованного Союза. Но фактически расхождения между союзными и республиканскими политиками затрагивали более фундаментальные проблемы социалистического выбора дальнейшего развития и радикального изменения существовавшей социально-экономической и социально-политической системы [1, с. 624, 627]. Наиболее подрывной была деятельность Ельцина вместе с его соратниками. В обход союзной верхушки Ельцин стал договариваться с другими республиками о заключении прямых двухсторонних квазигосударственных соглашений. Этим он хотел воспользоваться в своём противостоянии с Горбачёвым, чтобы лишить того возможной политической опоры. Глубокой осенью 1990 г. такого рода договоры Россия подписала с Украиной, Белоруссией и Казахстаном, что дало основания отдельным политикам фантазировать по поводу образования некоего «Союза четырёх», без опосредования Союзным центром. Аналогичные договоры в январе 1991 г. Россия заключила с Латвией, Литвой и Эстонией.

Стремясь перехватить инициативу, Горбачёв сформулировал идею о проведении всесоюзного референдума по вопросу будущего Советского Союза, которая была одобрена Верховным Советом СССР в январе 1991 г. Сам референдум состоялся 17 марта 1991 г. Граждане СССР должны были ответить на вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». В референдуме приняли участие 80% граждан, обладавших правом голоса. Из них 76,4% ответили «да» на вопрос референдума о сохранении Союза, 21,7% дали отрицательный ответ. Правда, интеграционный потенциал референдума был ослаблен тем, что каждая республика организовывала его на свой лад, корректируя или добавляя по своему усмотрению новые вопросы, а некоторые вообще отказались от его проведения (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония).

Но всё-таки результаты референдума, казалось, давали шанс придать действенный импульс к разработке нового варианта Союзного договора. Настроения большинства советского общества могли послужить опорой для сторонников сохранения государственного единства. На деле всё обстояло гораздо сложнее. Ввиду того, что республиканские элиты обрели большую самостоятельность, а значимость центральных структур претерпевала эрозию, подвергаясь критике и нападкам даже в союзных представительных органах, хаос дезинтеграции нарастал, Горбачёв решил пойти на прямой диалог с республиканскими лидерами, действуя в обход союзного парламента и высших органов власти СССР. 23 апреля 1991 г. Горбачёв (представлявший СССР как субъект международного права в качестве его президента) и руководители 9 из 15 республик (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан) подписали «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса», более известное как «Заявление 9+1». В нём подчёркивалась необходимость скорого

заклучения нового Союзного договора и излагались его базовые принципы. Суверенным республикам гарантировалась собственная юрисдикция над социально-экономической жизнью, они получали возможность вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, если только она не нарушала международные обязательства СССР. Совместное государство переименовывалось в Союз Советских Суверенных Республик. Предметом дальнейших обсуждений оставался порядок уплаты налогов в союзный бюджет, не была разрешена и проблема соотношения статусов союзных и автономных республик.

Поскольку выработка официального заявления и последующие переговоры проходили в президентской резиденции в подмосковном Ново-Огарёве, то дальнейшие перипетии вокруг базовых основ и содержания готовящегося договора получили в обиходе именование «ново-огарёвского процесса». Первый этап его протекал с 23 апреля по 23 июля 1991 г. Политическая борьба между общесоюзными и республиканскими властями шла за «рамочные» условия влияния в Союзе. На первый план вышла проблема разграничения полномочий между Центром и союзными республиками. «Республики, сознавая слабость позиций союзного Президента, требовали себе новые полномочия, до предела усекая властные возможности Центра» [Там же, с. 637-638]. Дискуссии развёртывались едва ли не по каждому пункту проекта будущего договора. Главными оппонентами в процессе переговоров, бравших на себя основную тяжесть выяснения спорных проблем, выступали Ельцин и Горбачёв. «При существовании двух полюсов, – вспоминал Ельцин, – всем остальным было удобно выбирать свою позицию, маневрировать» [6, с. 53]. Наиболее проблематичным был выбор формы государственного устройства обновлённого Союза. В ходе многочисленных встреч на протяжении мая-июля выявились значительные расхождения и противоречия между сторонами. Важнейшим «был вопрос о том, сохранит ли Союз характер единого государства, пусть децентрализованного, однако выглядевшего единым в глазах всего мира, или это будет, наоборот, слабая коалиция различных государств, намеренных действовать каждое по-своему» [2, с. 249]. Вот почему острые дебаты велись относительно характера взаимосвязей, которые должны были скреплять воедино различные республики – федеративные или конфедеративные. Горбачёв и некоторые поддерживающие его главы республик отстаивали сохранение федерации. Российское же руководство предлагало преобразовать «Союз» в конфедерацию. При этом провозглашался абсолютный приоритет законов новообразованных суверенных государств над законами планируемого сообщества, которое предполагалось сформировать без своей собственности и конституции, а решение вопроса о едином гражданстве откладывалось на более позднее время. В «непосредственное управление» Центру передавались бы лишь оборона, безопасность и атомная энергетика. Председатель Верховного Совета Украинской ССР Л. М. Кравчук вообще видел Союзное государство лишь как аморфное объединение, в котором вообще не должно быть никакого центра, а только координирующие органы [8]. Однако, решая свои весьма различающиеся задачи, стороны не могли полностью игнорировать итоги референдума, и поэтому в своей риторике они активно использовали понятия «единое союзное государство», «федерация», в правовом же плане всё более отходя от них [9, с. 816]. В конечном итоге, учитывая общие настроения народных масс и тактические соображения, Ельцин и другие лидеры выступили за подписание Договора о Союзе Суверенных Государств как «федеративного добровольного и равноправного объединения». Тем самым стремились сохранить хрупкое равновесие интересов центра перед лицом возраставших требований со стороны республик.

16 июня 1991 г. подготовительный комитет завершил работу над проектом Союзного договора. Итоговый текст договора отразил как масштабы претензий республик, так и уровень фактической дезинтеграции СССР, в нём сохранялось много противоречий и двусмысленностей. С одной стороны, республики-участники признавались суверенными государствами и «полноправными членами международного сообщества». С другой – Союз Советских Суверенных Республик определялся как «суверенное федеративное демократическое государство», но с приоритетом суверенности составляющих его республик. За Союзом сохранялись объекты собственности, необходимые для осуществления возложенных на него полномочий. Но при этом предусматривалась одноканальная система сбора налогов, при которой союзный бюджет определялся республиками на основе представленных Союзом статей расходов, что существенно ограничивало его реальные ресурсы, лишало собственных источников существования. По сути, на неопределённое время консервировалась ситуация правовой конфликтности, которая существовала между Центром и республиками после принятия ими деклараций о суверенитете, от которого отказываться они уже не собирались. Получалось, что выбор между юридическим качеством важнейшего документа и политической целесообразностью был сделан в пользу последней [1, с. 639]. Не были строго зафиксированы сроки принятия нового Основного Закона, т.е. Конституции Союзного государства, что не связывало государств-участников никакими определёнными обязательствами по этому поводу. Это открывало возможности «мягкого» выхода из СССР, поскольку освобождало новые независимые страны от выяснения отношений с бывшими «братьями» по Союзу согласно принятому в апреле 1990 г. закону.

24 июля 1991 г. Горбачёв объявил, что работа над Союзным договором завершена и он готов к подписанию. Участники переговорного процесса сочли возможным подписать договор в сентябре-октябре 1991 г., приурочив данную процедуру к созыву очередного съезда народных депутатов СССР. Вслед за этим текст договора был направлен для утверждения в Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик. Именно в этот момент возникла новая коллизия. Группа из пятнадцати экспертов ВС СССР дала собственную юридическую оценку итогового проекта Союзного договора. Они нашли его неудовлетворительным в правовом смысле, признав внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного. Особое беспокойство вызвали положения, которые, по мнению специалистов по государственному строительству, вели к формированию некоего размытого клуба государств, что означало неизбежное уничтожение СССР как такового. Кроме того, союзных парламентариев изначально не устраивало отстранение их от участия

в столь значимом для судеб страны обсуждении. Поэтому ещё 12 июля 1991 г. ВС СССР принял постановление, которое предусматривало формирование полномочной делегации Союза ССР на переговоры для доработки и согласования текста Договора в соответствии с замечаниями и предложениями, высказанными различными комитетами, комиссиями, членами Верховного Совета СССР, а также народными депутатами СССР. Также был сформулирован ряд принципиальных замечаний, которые, как полагали, обязательно следовало учесть при подготовке итогового варианта договора. Особенно не устраивало консервативную часть Верховного Совета предлагаемое название документа – «Договор о Союзе суверенных государств», поскольку из него выпадало принципиальное на их взгляд слово «социалистических». Тем самым обозначалась тенденция на полный отказ от прежнего курса. Отдельно была поставлена задача «предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом ССР собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства, в том числе денежными средствами, непосредственно поступающими в союзный бюджет на основе законодательства СССР» [11, с. 124]. Но позиция Верховного Совета не была принята во внимание Горбачёвым. Он даже ни разу не удосужился встретиться с союзной делегацией. Несколько позднее данное обстоятельство заставило А. И. Лукьянова сделать 16 августа 1991 г. «Заявление Председателя Верховного Совета СССР», в котором он повторно озвучил поправки, изложенные в Постановлении ВС СССР от 12 июля.

Понимая, что в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов СССР вариант Союзного договора в редакции от 16 июня встретит сильнейшее сопротивление и может быть отклонён, Горбачёв перешёл к закулисной игре, в обход представительных законодательных органов. 29-30 июля в Ново-Огарёве прошли конфиденциальные встречи М. С. Горбачёва с Б. Н. Ельциным и Н. А. Назарбаевым. Так начался второй этап «ново-огарёвского процесса». На этот раз переговоры происходили в закрытом режиме, тайком от официальных учреждений и общественности. Такое положение дел на тот момент, прежде всего, играло на руку Ельцину. Он признавался, что его это полностью устраивало: «Горбачёв сохранял своё старшинство, я – свою независимость. Это было идеальное решение для обоих» [6, с. 54]. Но, оставаясь один на один с напористым Ельциным, президент СССР неизбежно вынужден был идти на дальнейшие уступки и компромиссы, сдавая одну позицию за другой. Теперь он под давлением согласился на конфедеративное устройство будущего Союза, хотя это означало отход от волеизъявления народа, зафиксированного референдумом. По настоянию своих визави Горбачёв полностью принял требование об одноканальной схеме поступления налогов в бюджеты и признал необходимость осуществить замену ключевых фигур в союзном правительстве.

Чтобы избежать возможных возражений со стороны Верховного Совета СССР, решили перенести дату первой процедуры подписания изменённого Союзного договора с осени на 20 августа 1991 г., когда парламентарии окажутся на каникулах. Об этом Горбачёв объявил 2 августа во время телевизионного обращения к населению. В нём был изложен трёхступенчатый график подписания договора. Предполагалось, что 20 августа своими подписями его скрепят РСФСР и Казахстан; 2 сентября – Белоруссия и Узбекистан, 17 сентября – Азербайджан и Таджикистан; в октябре должны были присоединиться Туркмения и Киргизия, затем Украина, возможно, Армения с Молдавией, и, наконец, последней визировала союзная делегация. В некоторой степени это был тактический ход Горбачёва. А. В. Островский указывает на принципиальное различие в одновременном и поэтапном подписании договора. «При одномоментном подписании Союзного договора, – отмечает историк, – это событие должно было стать началом одновременного шестимесячного переходного периода для всех бывших союзных республик, участвовавших в ново-огарёвских переговорах. Поэтапное подписание делало неизбежным скользкий график переходного периода». Такой подход оставлял Горбачёву возможность политического манёвра во времени [14, с. 555].

Эпохальные события 19-21 августа 1991 г. свели на нет достигнутый консенсус о придании нового оформления Союзу республик. Одна за другой республики стали провозглашать свою независимость, закрепляя в ряде случаев эти акции собственными «всенародными» референдумами. Уже 20 августа о своей независимости от СССР заявила Эстония, 21-го – Латвия, 24-го – Украина, 25-го – Белоруссия, 27-го – Молдавия, 30-го – Азербайджан, 31-го – Киргизия и Узбекистан. Затем о своей независимости 9 сентября объявил Таджикистан, 23 сентября – Армения, 27 октября – Туркмения (Литва о выходе из состава СССР заявила ещё 11 марта 1990 г., Грузия – 9 апреля 1990 г.). К концу октября 1991 г. формально в составе Союза оставались только две республики – Казахстан и Россия. И всё-таки реально мыслящие политики понимали, что немедленный развал Союза чреват политической и экономической катастрофой. Вот почему 27 августа состоялась встреча президентов России, Казахстана и Киргизии с Горбачёвым, на которой они подтвердили намерение подписать Союзный договор. Это давало определённую надежду на сохранение, пусть даже в усечённом виде, Советского Союза. Поэтому была предпринята попытка реанимировать «ново-огарёвский процесс» в изменившихся условиях, начав третий, как оказалось, финальный его этап. На этот раз Горбачёв уповал на то, что удастся спасти Союз, комбинируя проведение экономической реформы и заключение нового варианта Союзного договора. Созванный в начале сентября 1991 г. V съезд народных депутатов СССР опротестовал принятые решения о независимости республик. Одновременно съезд констатировал, что в прежнем виде Советский Союз более существовать не может, и провозгласил начало переходного периода к новому объединению бывших советских республик – Союзу Суверенных государств. Вслед за этим 16 сентября на заседании недавно созданного Государственного Совета СССР представители Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркмении, Украины высказались за сохранение Союза при условии новой корректировки ранее согласованного варианта Союзного договора. Наибольшую заинтересованность сохранить

Союз на тот момент демонстрировали главы центрально-азиатских республик, особенно Н. А. Назарбаев, который наиболее последовательно отстаивал необходимость соблюдения общих интересов.

На протяжении почти двух месяцев Горбачёв предпринимал разнообразные дипломатические манёвры, стараясь уговорить республики пожертвовать частью только что обретенной ими свободы в пользу Центра. Он продолжал отстаивать формулировку о «союзном государстве». По его мнению, следовало иметь общую Конституцию, а общий президент избирался бы посредством прямых выборов. Достаточно сильный союзный центр должен был оставить в своём ведении внешнюю политику, оборону и в какой-то степени экономическую и финансовую политику. В надгосударственном объединении сохранялся единый президент, который бы выступал гарантом соблюдения договора и представлял союз во внешних сношениях. В Москве должен был работать совместный двухпалатный парламент, а в центральном правительстве оставался бы пост премьер-министра. Но эти предложения не устраивали других участников переговоров, где определяющей была позиция России. Республики крайне подозрительно относились к возможности создания наднациональных органов управления, в которых они усматривали угрозу своей самостоятельности. Не имея в своём распоряжении весомых аргументов, утратив авторитет, проявляя политическое безволие, Горбачёв пошёл в конце концов на значительные уступки. 18 октября Президент СССР и восемь республик (кроме Азербайджана, Грузии, Молдавии, Украины) подписали «Договор об Экономическом сообществе суверенных государств». Согласно ему предусматривались перераспределение общесоюзной собственности, ликвидация центрального банка, допускалось введение собственных национальных валют. Горбачёв считал, что тем самым все признали необходимым иметь союзное правительство в лице Межгосударственного экономического комитета, и всячески педалировал необходимость скорейшего подписания политического договора.

Ключевым стало заседание Государственного Совета 14 ноября 1991 г. с участием лидеров семи суверенных республик по вопросу о дальнейшей судьбе СССР. Основная дискуссия опять развернулась вокруг определения характера будущего перелицованного государственного образования. Горбачёв по-прежнему настаивал на дальнейшем существовании общего «союзного» государства с единым гражданством, территорией, статусом субъекта международного права и новым руководящим центром, которому решениями членов Союза будут отведены соответствующие полномочия. Данную точку зрения поддержал Н. А. Назарбаев. Но категорически против выступили Б. Н. Ельцин и С. С. Шушкевич. Предлагаемый пока ещё действующим Президентом СССР вариант не устраивал Ельцина потому, что сохранялась бы определённая зависимость России от союзного Центра и Горбачёва. Вместо этого, по мнению российского президента, предполагаемый политический союз должен был представлять собой конфедеративное государство, по образцу Швейцарии или Канады. В очередной раз Горбачёв не выдержал психологического нажима и пошёл на неоправданные уступки. В итоговом и компромиссном ново-огарёвском проекте договора будущее объединение определялось как «конфедеративное демократическое государство» под названием «Союз Суверенных Государств». Предполагалось, что он будет выполнять делегированные ему государствами-участниками договора функции. Роль союзной Конституции должен был выполнять сам договор о ССГ. Общего президента планировалось избирать не напрямую, а посредством особых выборщиков, а депутатов двухпалатного парламента – как от суверенных республик, так и от избирательных округов. Наличие центрального правительства с ограниченными полномочиями не отрицалось, но конкретная столица определена не была. Обтекаемо, без конкретной географической координаты говорилось о некоем абстрактном «месте пребывания союзных органов». Именно в таком виде решили осуществить 25 ноября 1991 г. окончательное парафирование текста «Договора о Союзе Суверенных Государств» главами республик и другими официальными лицами, чтобы затем передать его на утверждение Верховным Советам. Но 25 ноября, когда торжественная церемония парафирования открылась в Ново-Огарёве, неожиданно для многих Ельцин потребовал изменить утверждённую совместно одиннадцать дней назад формулу о «конфедеративном демократическом государстве» на «конфедерацию демократических суверенных государств». С ним солидаризовались С. А. Ниязов (президент Туркмении) и И. А. Каримов (президент Узбекистана). Вновь подняли вопрос о смещении полномочий от Центра к республикам ради большей их независимости. Это было ударом в спину и означало приговор «ново-огарёвскому процессу». Под предлогом необходимости дождаться результатов референдума о независимости Украины, назначенного на 1 декабря, а также соответствующих доработок в Верховном Совете СССР и республик подписание договора в очередной раз отложили.

Как выяснилось позднее, за спиной Горбачёва Ельцин, подстрекаемый своими политическими советниками Г. Э. Бурбулисом и С. М. Шахраем, вернулся к практике подмены жизнеспособного Союза сепаратными двусторонними договорами между республиками. Тем самым фактически российское руководство саботировало всю предыдущую подготовку нового Союзного договора. Показательно, что чуть ранее Кравчук 8 ноября 1991 г. также призвал прекратить всякие разговоры о Ново-Огарёве. Таким образом, возможность сохранения обновлённого Союза оказалась утраченной. Горбачёв как политик потерпел полный крах. Лидеры только что рождённых суверенных государств предпочли обойтись без него. 8 декабря 1991 г. руководители Российской Федерации (Б. Н. Ельцин), Белорусской ССР (С. С. Шушкевич) и Украинской ССР (Л. М. Кравчук) вместе со своими командами втайне от Горбачёва собрались на дачной правительственной резиденции в Беловежской Пуще. В скоротечном порядке ими было принято «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств». В преамбуле к соглашению заявлялось: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование». 21 декабря на межгосударственной встрече в Алма-Ате, помимо России, Белоруссии и Украины, к соглашению присоединились остальные бывшие союзные республики (кроме прибалтийских и Грузии). Причём Горбачёва демонстративно на встречу не пригласили. Его лишь поставили перед случившимся фактом, задним числом уведомив

«о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР» [5, с. 231]. Через несколько дней Горбачёв сложил полномочия первого и последнего президента СССР, а над Кремлём спустили красный союзный флаг и заменили трёхцветным российским.

До сих пор не утихают споры: был ли распад СССР явлением закономерным, исторически неизбежным или случайным. Объективные предпосылки, безусловно, существовали. Они были обусловлены системным кризисом чрезмерно централизованной плановой экономики, которая не справлялась с задачами дальнейшего устойчивого роста и удовлетворения насущных социально-бытовых потребностей населения. Дополнительными моментами выступали падение цен на нефть на мировом рынке, что значительно сокращало валютные поступления из-за рубежа, и обременительная гонка вооружений. Но главными всё-таки стали субъективные причины. Пожалуй, верна следующая точка зрения: «К печальному итогу привела недальновидная, некомпетентная, амбициозно-корыстная политика, прежде всего, руководящей элиты страны, борьба за власть среди лидеров, в партиях и движениях, в ходе которой в жертву приносились важнейшие государственные и социально-экономические интересы и ценности» [10, с. 571].

В борьбе за потенциальную возможность сохранить единство Союза столкнулись слишком разнородные силы. Можно обозначить несколько противостоящих друг другу группировок. На одном полюсе находились те, кто занял непримиримо безальтернативную позицию по отношению к дальнейшему нахождению в составе СССР. Это было пришедшее к власти на волне перестроечных процессов ультра-националистическое и настроенное однозначно сепаратистки руководство прибалтийских республик, к которым вскоре прикнула Грузия. Определённую поддержку им спустя некоторое время стал оказывать глава РСФСР Ельцин, который постепенно вышел на передний план и вокруг которого сплотились те лидеры субъектов федерации, которые перестали признавать властные полномочия Горбачёва над собой.

На другом полюсе находились те, кто более-менее последовательно поддерживал идею реорганизации СССР в новую федеративную структуру с достаточно широкой самостоятельностью составляющих субъектов. В эту группу входили Горбачёв и его соратники. В определённой степени с ними блокировались некоторые члены Верховного Совета СССР, возглавляемые Лукьяновым. Но полноценного сотрудничества не получалось, поскольку последние достаточно остро критиковали Горбачёва за нерешительность, непоследовательность и постоянные колебания.

Между этими обозначившимися двумя полюсами колебались с зависимости от текущей политической конъюнктуры руководители прочих союзных республик, которые стремились извлечь в сложившейся ситуации максимальную выгоду для себя, также не исключая при удобном случае обретения полной независимости от Центра.

Дебаты развернулись вокруг трёх основных вариантов решения проблемы. Первый предлагал создание союза суверенных государств, не имеющего своего государственного образования. Второй отстаивал союз с централизованной государственной властью. В рамках третьего предусматривался союз, выполняющий некоторые государственные функции, но без статуса государства и без названия [4, с. 594]. Характерной особенностью «ново-огарёвского процесса» стало неуклонное сужение круга участников переговоров о дальнейшей судьбе Советского Союза. Он становился всё более замкнутым и изолированным. Если первоначально активно в обсуждении проблем участвовали также Верховный Совет СССР и силы общественности, то постепенно они были отстранены или передвинуты на второй план. Высокопоставленные официальные лица союзного правительства, в частности премьер-министр Павлов, были полностью устранены от участия в подготовке договора. В конечном итоге всё замкнулось на личности высших глав союзных республик, чьи действия стали решающими. Именно они привели к ликвидации СССР как единого целого. С прекращением существования Советского Союза оказались разорванными исторические, политические, экономические, культурные связи, а также семейные и дружеские, что повлекло за собой немало человеческих трагедий.

Список литературы

1. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России: 1917-2007. Изд-е 2-е, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2008. 832 с.
2. Боффа Дж. От СССР к России: история неоконченного кризиса: 1964-1994 / пер. с ит. Л. Я. Хаустовой. М.: Международные отношения, 1996. 320 с.
3. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Чернышева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 784 с.
4. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2. 656 с.
5. Грачёв А. Дальше без меня... Уход Президента. М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1994. 269 с.
6. Ельцин Б. Н. Записки президента. М.: Огонёк, 1994. 416 с.
7. Известия. 1989. 9 июня.
8. Известия. 2011. 22 марта.
9. История России XX – начала XXI века / под ред. Л. В. Милова. М.: ЭКСМО, 2006. 960 с.
10. История России. Люди. Нравы. События: взгляды и оценки: в 3-х т. М., 2000-2001. Т. 3. 672 с.
11. Лукьянов А. И. Август 91-го. Был ли заговор? М.: Алгоритм; Эксмо, 2010. 240 с.
12. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1988. 160 с.
13. Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец Советской империи. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 637 с.
14. Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. 864 с.
15. Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с.
16. Янаев Г. И. ГКЧП против Горбачёва. Последний бой за СССР. М.: Эксмо, 2010. 240 с.

NOVO-OGAREVO PROJECT – WAS THERE A CHANCE TO SAVE THE SOVIET UNION?

Alekseev Viktor Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
morehod800@mail.ru

The article describes processes that led to the collapse of the Soviet Union, shows the multidimensionality and contradictoriness of factors that contributed to it, reveals internal political struggle between opposing factions in the higher echelons of the USSR leadership. The author pays special attention to the consideration of different approaches to solving the crisis of the state system and attempts to save the unity of the USSR known as "Novo-Ogarevo process". The reasons of the failure of all the undertaken efforts in this direction are given.

Key words and phrases: restructuring; collapse of the USSR; internal political struggle; Novo-Ogarevo process; state system of the Soviet Union.

УДК 316.3

Философские науки

В статье показано, что общества в ходе жизнедеятельности пребывают в разных исторических эпохах, каждая из которых имеет свои детерминанты. Сообразно этим детерминантам раскрывается потенциал идентитета общества (специфика общества), востребуются его (идентитета общества) новые стороны. Следовательно, идентитет общества не является чем-то раз и навсегда заданным, стационарным, а развивается в соответствии с требованиями исторической эпохи, что позволяет обществу в изменившихся условиях жизни сохранять свою идентичность (оставаться самим собой).

Ключевые слова и фразы: историческая эпоха; общество; развитие; идентитет; определение; идентичность.

Антонов Денис Александрович, к. филос. н.
Сибирский государственный технологический университет
denisantonov77@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ИДЕНТИТЕТА (СПЕЦИФИКИ) ОБЩЕСТВА
КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ЕГО ИДЕНТИЧНОСТИ[©]**

Существенный объем философских, исторических и социологических исследований посвящен решению вопроса периодизации исторического процесса на основе выделения конкретных исторических эпох. Цель данных исследований заключалась в доказательстве наличия прогрессивного развития человечества, поскольку каждая эпоха раскрывала его (развития) качественно специфический период. Соответственно выдвигались критерии и детерминанты, на основе которых можно было делать вывод о смене исторических эпох и раскрывать их (эпох) качественное отличное друг от друга содержание. На этом направлении сложились различные подходы к пониманию исторических эпох, и именно этим объясняется отсутствие общепринятого определения понятия «историческая эпоха».

В XVII-XVIII вв. в рамках западноевропейской философско-исторической мысли широкое распространение получил подход, согласно которому в истории человечества различаются три последовательные эпохи: дикости, варварства и цивилизации. Выделение этих эпох находилось в русле доказательства идеи поэтапного перехода человечества к новому более прогрессивному состоянию, демонстрации наличия определенной направленности истории. Результатом же ряда дальнейших исследований явилось разделение истории на первобытную эпоху, античность, средневековье, эпоху Нового времени и новейшее время.

В XIX веке свой подход к периодизации всемирного исторического процесса предложил Г. Гегель, на основе разработки понятий мирового духа и национального духа. История, согласно философу, есть самореализация мирового духа как абсолютной идеи, задающей направленность исторического процесса, а именно движение в направлении все большего восполнения столь же абсолютной идеи свободы. В свою очередь, национальный дух как дух определенного народа, которому Г. Гегель отводил ключевую роль на арене всемирной истории в определенный период времени с точки зрения решающего вклада в восполнение идеи свободы, выступает конкретным проявлением развития мирового духа. На основе выявления таких национальных духов философ выделил четыре последовательно сменявших друг друга исторических периода: «восточный мир», «греческий мир», «римский мир», «германский мир», каждый из которых выдвинул на арену всемирной истории ключевой для восполнения идеи свободы национальный дух (народ) и с точки зрения концепции Г. Гегеля стал эпохой мировой истории, исторической эпохой, специфичным содержанием которой явилась соответствующая (увеличивающаяся с каждой эпохой) степень восполнения идеи свободы.

В концепции общественного прогресса К. Маркса применительно к истории определенного общества синонимом понятия «историческая эпоха» выступает понятие «общественно-экономическая формация». Это,